

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики

**Речевой портрет блогера-трикстера
(на материале Twitch-канала Александра Зубарева)**

**АВТОРЕФЕРАТ
ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ БАКАЛАВРА**

студентки 4 курса 442 группы
направления подготовки 45.03.03 Фундаментальная и прикладная лингвистика
Института филологии и журналистики
Курышовой Полины Дмитриевны

Научный руководитель

канд. филол. наук, доцент

_____ Н.Г. Шаповалова
подпись, дата

Зав. кафедрой

докт. филол. наук, профессор

_____ О.Ю. Крючкова
подпись, дата

Саратов 2025

Актуальность исследования определяется тем, что, в силу медийной известности, коммуникативное поведение Зубарева становится модельным для миллионов его фолловеров, то есть отчасти предопределяет «языковой вкус эпохи» (В.Г. Костомаров).

Объектом исследования являются средства языковой экспрессии и речевого комизма в речи блогера-миллионника Александра Зубарева.

Предмет исследования – средства языковой экспрессии (в том числе речевого комизма), способствующие воплощению коммуникативного типажа «трикстер» в речи блогера-миллионника Александра Зубарева.

Цель работы – выявить модельные черты речевого портрета Александра Зубарева, свойственные ему как коммуниканту-трикстеру.

Достижение данной цели предполагает решение совокупности следующих **задач**:

1. изучить научную литературу, посвященную лингвоперсонологии, речевому портретированию, феномену и приемам речевого комизма;
2. выявить наиболее частотные средства языковой экспрессии, в том числе приемы языковой игры, в речи Зубарева;
3. определить их функции в его коммуникативном поведении;
4. составить речевой портрет блогера, воплощающего коммуникативный типаж «трикстер».

В работе был использован **метод** дискурсивного анализа, контекстуальный анализ, количественные и качественные методы обработки данных.

Материалом исследования послужили 62 расшифровки видеозаписей, размещенные на личной странице Александра Зубарева с 2022 по 2025 год на платформе «Twitch». Общий объем составил 10 454 знака, 102 контекстуальных употребления.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Апробация работы. Отдельные результаты исследования представлены в виде доклада на Всероссийской научной конференции «Филология и журналистика в XXI веке» (Саратов, 2025).

По теме работы подготовлена публикация:

Курышова П.Д. Языковые средства создания иронии в речи блогера (на материале Telegram- и Twitch-каналов Александра Зубарева) / П.Д. Курышова [в печати].

Основное содержание работы.

В первой главе «Речевой портрет трикстера в жанре блога» был представлен обзор ключевых лингвистических концепций, связанных с изучением языковой личности и коммуникативного поведения. В частности, рассматривается трехуровневая структура языковой личности, включающая вербально-семантический, когнитивный и прагматический компоненты, а также методы ее исследования через речевой портрет. Особое внимание уделяется различиям между языковым и речевым портретом, где первый ориентирован на реконструкцию глубинных характеристик, а второй — на фиксацию конкретных особенностей коммуникации.

Анализируется теория лингвокультурных типажей, в рамках которой трикстер рассматривается как архетипический образ, сочетающий комическое и провокационное начало. Подробно разбираются его ключевые черты: склонность к нарушению норм, использование языковой игры, иронии и самоиронии. Особый акцент делается на функциях языковой игры, которая служит не только средством развлечения, но и инструментом творческого самовыражения, преодоления языковых шаблонов.

Рассматриваются особенности сетевого блога как речевого жанра, включая его мультимодальность, ориентацию на массового адресата и сочетание монологичности с диалогическими элементами. Отмечается, что блог становится идеальной площадкой для реализации типажа трикстера

благодаря возможности экспериментировать с языком, форматами и обратной связью с аудиторией.

Данный обзор позволяет констатировать, что вопросы, связанные с речевым портретированием медийных личностей, остаются актуальными и требуют дальнейшего изучения. Особый интерес представляет анализ того, как традиционные лингвистические концепции адаптируются к цифровой среде, где коммуникативные стратегии постоянно эволюционируют.

Функционирование языковой игры и иронии в современном медиадискурсе открывает широкие перспективы для исследований в области прагматики, дискурс-анализа и социолингвистики, особенно в контексте влияния блогеров на языковые тенденции.

Во второй главе «Александр Зубарев как блогер-трикстер» представлено комплексное исследование языковых особенностей и коммуникативных стратегий популярного блогера и стримера Александра Зубарева, чей уникальный стиль общения с многомиллионной аудиторией представляет значительный интерес для современной лингвистики. Анализ строится на материале расшифрованных видеозаписей его стримов на платформе Twitch, где особенно ярко проявляется феномен «карнавального» интернет-общения.

В параграфе 2.1. «Краткая биография Александра Зубарева» прослеживается становление блогера от профессионального балетмейстера до одного из самых узнаваемых медийных личностей русскоязычного интернета. Особое внимание уделяется специфике его коммуникативного пространства, которое характеризуется как политематический блог, относящийся одновременно к синхронному и асинхронному двустороннему типу общения. Подробно анализируется феномен стремительного роста аудитории (14 миллионов подписчиков), где ключевыми факторами успеха становятся:

- 1) личностный характер контента, раскрывающегося «через призму личного опыта автора и его мировоззрения»;
- 2) уникальное чувство юмора, сочетающее провокативность и искренность;
- 3) способность создавать «определенный паттерн поведения», который ожидает и ценит аудитория.

Параграф 2.2. «Языковые средства карнавального общения в речи Александра Зубарева» представляет детальный лингвистический анализ, выявляющий ряд ключевых стратегий коммуникации.

Как показывает проведенное исследование, анализ расшифрованных видеозаписей Twitch-канала Александра Зубарева, в его речи наблюдается игровая имитация произношения (ср.: *Так, **шо** тут?*; *Так, а **шо** мы делаем? А, я понял. Заряженные, получается, полностью заряженные моцики, разгружаем и оставляем; **Шо** у вас с погодой?; Ты **шо**, ебанутый?; И вот теперь у меня **шо-то** такой тильт, а сдать ее уже не получится. В пизду вообще!; Был бы я рядом, я бы тебе щас леща бы уебал бы отцовского, **шоб** ты пришел в себя; **Роспакоука**, нахуй!; Погнали! **Роспакоука**!)).*

Оно является типичным для суржика – смеси русского и украинского языков, которая функционирует на территории их контактирования – в Ростовской, Луганской и Донецкой областях [Горбачева 2016: Эл. ист.]. Ее использование характерно для людей с низкой культурой (в том числе речевой) [Словарь социолингвистических терминов 2006: Эл. ист.], носителей городского просторечия [Горбачева 2016: Эл. ист.].

Это обуславливает частотность в речи Зубарева маркеров просторечной речевой культуры, например:

1. нелитературное произношение (ср.: *Знаете, **че** купил в магазине?; Да **скока** уже можно; **Прям** пять звезд. Лакшери. Все сидят такие, знаете, с сумочками Луи...; И **щас** вроде пелена спала с глаз*);
2. словоизменение (ср.: ***Шесть косарей** юаней за **крема**!; И я ее **меряю** и думаю: «Нахуй я ее купил, блять?»*);

3. синтаксис (ср.: *Вот моя пластиковая бутылочка либо обертка с мороженого. Что будет, если я кидаю ее в реку? Ну, либо на берег реки?*).

Их дополняет активное использование слов-паразитов (дискурсивов), «вносимых в речь, но не несущих никакой смысловой нагрузки» [Словарь-справочник лингвистических терминов 1976: Эл. ист.] (ср.: *Короче, погрузили и хватит; Поехали! Снова испытываем удачу! Помните, да, бокс с сюрпризами?; Ну, погнали нахуй?*), и просторечных обращений к незнакомым людям (ср.: *Да, помоги ей, подруга. Помоги, да*), в том числе:

1. гендерных (ср.: *Девочка, ну, какого члена ты влезла?..; Шо там женщина сказала? Нихуя не понял*);
2. посредством терминов родства (ср.: *Если ты пытаешься переморгать, рыбы не моргают, братан; Отец, я смотрю ты совсем ахуел; Мать, ты видела? Она в восторге ваще*).

Их перлокутивный эффект поддерживают:

1. вульгаризмы (ср.: *Будь мужиком, ты подходишь вот так вот к ней и говоришь: «Привет, малышка!», – и раз за вагину; Бухой батя в день вылета домой; Какая мразь это сделала?; Как же, сука, вкусно тут!*);
2. жаргонизмы (ср.: *Пора валить; Кринж-тики-токи; Го посмотрим; Вы посмотрите, как здесь красиво, плюс вибе; Краш? Или нет?*);
3. арготизмы (ср.: *Так, а шо я хочу, братва? Шо я хочу?; Это теперь мои новые кенты; Номинация «Лох года»*).

С их помощью блогер намеренно огрубляет речь, зачастую сочетая данную установку с противоположной – смягчить сказанное. Эта цель может достигаться посредством:

1. нарушения семантического согласования элементов фразы [Санников 2002: 342] (ср.: *Фу. Какая же вонь. <...> Потрясающе, всем рекомендую; Брат спит. Тихо. Имейте уважение, суки*);
2. антифразисом – «стилистической фигурой, построенной на употреблении слова в его антонимическом (чаще ироническом)

значении» [Стариченок 2008: 53] (ср.: *Ей семьдесят шесть лет. Из них сорок шесть лет она возила толстых, жирных ублюдков на своей спине. У нее почти полностью переломан позвонок, и она почти полностью слепая. Все благодаря людям, молодцы!*);

3. слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (ср.: *Ну и таким же макарон мы поджариваем картошечку. Мы поджариваем грибочки и поджариваем кабачки; Да ты ж моя булочка!*).

Характерно, что некоторые диминутивы также отражают принадлежность блогера к просторечному типу речевой культуры (ср.: *Короче, у нас открылся новый рестик*).

Иногда они являются окказионализмами, игровой характер которых обусловлен:

1. присоединением словообразовательного форманта к основе, плохо сочетающейся с идеей уменьшительности [Санников 2002: 157] (ср.: *Сделано это с помощью специальной печечки; «Как массажик?» – вы спросите*), которое может сопровождаться антифразисом [Стариченок 2008: 53] (ср. *о будке для сдачи экспресс-теста на COVID-19*: *Какая милая будочка на фоне, да?*);
2. соединением в слове русских и иноязычных морфем [Санников 2002: 151] с одним и тем же значением (ср.: *Минимангальчик, минишашлычок, который ты делаешь прямо в ресторане, сам себе жарить мяско*).

Стремление выразить положительную оценку аудитории, поддержать контакт с ней Зубарев вербализует посредством диминутива-метафоры *котята* (ср.: *Вот это, котята, и есть высокоскоростная железная дорога; Котят, я вынужден отпроситься у вас на пару дней*).

Оно рифмуется с типичным для советской лингвокультуры обращением *ребята*, которым блогер иногда пользуется, создавая высказывания конфликтной коммуникативной тональности [Карасик 2008: Эл. ист.] (ср.: *Ребят, вы часом не ахерели?; Ребят, вы шо, ебанулись?*).

Обратим внимание, что вульгаризмы оформляются по принципам графики, восходящей к игровому ОРФО-арту сетевых «падонков» – популярному явлению российской интернет-коммуникации рубежа XX–XXI веков [Шаповалова 2008: 140-143] (ср.: *Блять, он полчаса смотрит в воду; В принципе, все понятно, блять; А теперь поехали. Небольшой свод ахуительных правил*).

Александр Зубарев также сочетает прецедентные тексты, имеющие отношение к сетевой культуре (ср.: *В интернетах ходит легенда, что если кота начать гладить по голове обычной зубной щеткой, то это ему флешбэкнет и напомним, как мама его в детстве облизывала; Бизнесмены есть в чате?*) с обилием табуизмов (ср.: *Тебе скучно и одиноко? Набери меня, и попиздим, сука; Вот у этого деда нужно учиться жизни, это уровень похуизма, к которому я стремлюсь*).

Отвечая на претензии более рафинированных подписчиков, блогер подчеркивает, что использование обценной лексики является неотъемлемой чертой его коммуникативного поведения в блогах (ср.: *Мата поменьше? Ебало поуже!*). Однако во многих случаях он намеренно снижает их перлокутивный эффект, подвергая комическому обыгрыванию за счет:

1. рифмы (ср.: *Ебать. Еще один. Или это мать?*);
2. лексического повтора [Там же: 43] (ср.: *Давайте попробуем. В смысле, один? Два наебнем, в смысле один, шо за унижение, два наебнем; Нет, жизнь не испорчена, жизнь дала тебе ахуительный урок перестать делать то, что ты делаешь. Ахуительный урок; И того профит – три тысячи процентов накрутки. Три тысячи процентов!*);
3. использования в одном контексте с прецедентным именем (ср.: *Он, сука, во-первых, шестьдесят пятого года, этот кондиционер ебанный. Еще Сталин пользовался; Ты живешь ту жизнь, которую ты живешь. Как Кличко, да, сказал, но ты понял, что я имею в виду*);

4. употребления в составе прецедентного текста (ср.: *Поспал перед работой? Хуй там!*).

Обратим внимание, что повторы вообще типичны для речи Зубарева и маркируют его эмоциональное возбуждение (ср.: *Я, конечно, видел рыбаков. Видел херовых рыбаков. Видел тех, которые приезжают на рыбалку, чтобы чисто побухать; Ой, у нас еще знаете какая новость? К нам в театр приезжает чувак, он **очень-очень** популярен по всему Китаю, **очень-очень** знаменит со своими шоу...*).

Нарушение семантического согласования элементов фразы (ср.: *Шо это такое? Ты уже лысый, блять. Ты выглядишь крайне хуево. Но ты все равно такая булочка, такая сладенькая; Это, ребятки, самая старая девочка*) также относится к числу наиболее распространенных приемов языковой игры в его речи. Ему сопутствуют:

1. рифма (ср.: *Блять. Брат. тебе бы сбрить нахуй. У тебя не усики, а пропуск в трусики*);
2. каламбур, основанный на столкновении разных значений одного слова [Там же: 490] (ср.: *Идут два безруких. Никого не трогают*) или свободного и фразеологически связанного значения слова [Там же: 491] (ср.: *Какая милая будочка на фоне, да? В ней мне дают в рот ежедневно*);
3. сравнение (ср.: *Вы понимаете, что такое восемьсот пятьдесят километров в час? Это так, чисто открыл окошко, знаете, покурить. Бам! Оторвало и руку, и половину ебала*);
4. абсурд [Там же: 427] (ср.: *Температура тридцать семь и четыре? Как держаться? Это невозможно пережить! Только рожая, женщина может понять ту боль, которую испытывает мужчина при тридцать семь и четыре! Брат, я соболезнаю тебе. Ты не выживешь*);
5. трансформация фразеологизмов (ср.: *А что жизненное? Слово не воробей, ничего не воробей, кроме воробья*);

6. прецедентные тексты, восходящие к интернет-мемам (ср.: *Нихуя непонятно, но очень интересно*), «шедеврам» инфоцыганства (ср.: *Послезавтра мы будем открывать и закрывать чакры, привлекать денежные инвестиции, Венера в Сатурне, карты Таро – всю хуйню. Ждите*), советским кинокомедиям (ср.: *Надо брать*; *Потрясающе, правда? Надо брать. Надо брать, девочки*) и блатному дискурсу (ср.: *Не гоняйте, матеря, вы пацанам еще нужны, или как там?*; *Вечер в хату*).

Схожий набор игровых приемов блогер использует, говоря с подписчиками о себе. Так, вербализации самоиронии в его публикациях способствуют:

1. каламбур, основанный на столкновении в одном контексте слов со схожим звучанием (ср.: *Четыре панические Натахи за три часа; Идем на рекорд. Пять панических Натах подряд*);
2. сравнения (ср.: *Ребятки, мы в магазине дизайнерских шмоток. И вот смотрите. Я нашел дизайнерскую шапку. Что это? Это похоже, как будто бабушка связала мальчику больному шизофренией, знаете, с биполярным расстройством; Ляньте. Мразь лысая. Как Брэд Питт, переболевший тифом после химиотерапии*);
3. метафоры (ср.: *о парикмахере* *Вот он ахуел с моего гнезда! Он, наверное, никогда не видел таких крепких волос*);
4. антифразис (ср.: *Думаю, я им сто процентов нравлюсь. Я правильно их понимаю?*);
5. вульгаризмы и табуизмы (ср.: *Вам по четыре года. Вы ездите на гироскутерах. Я в четыре года ссался под себя, рубил крапиву и ел песок; Какой же я еблан тупорылый пеищерный*).

С их помощью Зубарев создает речевую маску – т.е. временный языковой образ, имитирующий речевое поведение социальной группы [Шпильман 2006], – простоватого паренька из многодетной, бедной донецкой

семьи, который понятен целевой аудитории блогера по всему бывшему СССР.

Интересно, что во многих стримах Александр Зубарев отступает от канонов как лингвокультурного типажа «падонак», так и коммуникативного типажа «трикстер». Первое проявляется в отказе от агрессии по отношению к партнеру по общению (ср.: *И благодари Господа, что ты можешь дышать воздухом, у тебя есть руки, которыми ты шевелишь и набираешь мне сообщения, у тебя есть ноги, которыми ты ходишь, как бы банально это не звучало. У других нет. У них нет человека рядом, а у тебя есть семья, у тебя есть ради кого возвращаться домой, кому улыбнуться*).

Второе – в отказе от цинизма, присущего трикстеру, и говорит о сокровенном, своей уязвимости (ср.: *Меня провожала в школу бабушка и отдавала мне тормозок. Старшаки стоят смотрят, девочки. Она все время, вот так вот берет: «Ну все, внучок, давай» – и прям вот целует, и я: «Фу, ба». Мне так было стыдно. Сейчас я бы отдал все, что у меня есть, клянусь, чтобы она подошла и дала мне тормозок, и я бы съел, и пусть на меня бы смотрело 10 миллиардов человек*).

Исследование демонстрирует, что феномен популярности Зубарева основан на уникальном сочетании лингвистической виртуозности, глубокого понимания психологии аудитории и способности балансировать между карнавальной агрессией и подлинной человечностью. Его коммуникативные практики представляют собой яркий пример эволюции интернет-дискурса в условиях новых цифровых платформ.

В **заключении** сформулированы основные выводы, подчеркивающие органичный синтез трёх обобщённо-типических образов в коммуникативном поведении блогера – речевой маски простого паренька из бедной донецкой семьи, лингвокультурного типажа «падонак» и архетипа трикстера, что формирует его уникальный стиль и обеспечивает широкую популярность.

Стоит подчеркнуть, что Александр Зубарев сочетает в своей речи просторечия, жаргонизмы, табуизмы с игровыми приемами «падонка», включая ОРФО-арт и прецедентные тексты, а также трикстерскими техниками: каламбурами, абсурдом, трансформацией фразеологизмов и т.д. При этом он сознательно отступает от канонов, когда отказывается от агрессии и цинизма с целью демонстрации искренности, что создаёт полифоничный образ, где речевая маска «простого парня» обогащается опытом сетевой культуры и ловкостью трикстера.

Его адресатом выступает многомиллионная аудитория, особенно молодые пользователи, которые ценят не только иронию и раскованность, но и человечность. Успех Александра Зубарева заключается в парадоксальном соединении элитарности и вневременной доброты, что преодолевает языковую моду и поколенческие барьеры.